

ГОРОДА РУСИ

Григорий Емельянов,
Наталья Емельянова

КАЛЯЗИН: ГОРОД НА РЕКЕ И ПОД РЕКОЙ

Издrevле многим были на Руси монастыри.

Они и очаги духовности, и центры просвещения, и столпы благотворительности, и важные оборонительные твердыни. А ещё ведь монастыри строили города. Не сами, конечно, но нередко бывало так: стоит себе небольшой монастырек, а через сто-двести лет глядишь — уж раскинулся вокруг него средних размеров город. Самый, должно быть, известный пример — Кириллов, что вырос вокруг обители святого Кирилла Белозерского. Но так далеко за примерами мы ходить не будем, отправимся за двести вёрст от Москвы — в тихий уездный Калязин.

С давних времён два главных богатства Верхневолжской земли — лес и топь. Ну, с лесом всё понятно, а топью-то как можно разбогатеть? Но это только на первый взгляд. А торф — и удобрение, и топливо? А лимониты — «болотная руда»? Из неё и мечи, и орала, и подковы, и

распоследний гвоздь. Волга была естественным рубежом между Тверью и её восточными соседями — Ростовом, Суздалем, Ярославлем, потом и Москвой, но кому было дело до рубежей в беспокойную эпоху княжеских усобиц? Граница двигалась туда-сюда, её постоянно укрепляли со всех сторон. Где-то в этих краях была древняя крепость Святославле Поле, но где именно — кто ж теперь ведаёт. Был, южнее, в устье Нерли, старый Скнятин, да вышел весь — не смог восстановиться после разорения Смуты, а остатки городища потонули при разливе водохранилища. А где сейчас город Калязин, в болотистом устье Жабни — там не было ничего. Те самые топь и лес! Зверь, да птица, да в Волге рыба. И кто знает, может быть, так оставалось бы и поныне, если бы в XV веке не забрел бы в эти глухие края святой подвижник — монах Клобукова монастыря, что в городе Кашин.

Макарий Калязинский

Будущий калязинский святой родился в 1400 году в селе Кожина недалеко от Кашина, при крещении был наречен Матфеем. Его отец — знаменитый боярин Василий Кожа — не раз отличался в битвах на стороне московского князя Василия Тёмного.

Боярская семья была очень набожная, и Матфей с юных лет мечтал о пострижении. Но родители были убеждены, что ради праведной жизни необязательно идти в монастырь — в миру, мол, тоже есть место подвигу, в том числе и духовному. Короче, подобрали сыну невесту. Матфей противиться воле батюшки с матушкой не стал, но молодые условились: кто первый из них овдовеет, тот подыщет себе обитель по душе.

Выполнять обет пришлось Матфею: всего через три года после свадьбы он, похоронив жену, принял постриг в Клобуковом монастыре с именем Макарий. Но и там ему явно не хватало уединения. Поэтому где-то в середине 1430-х Макарий отправился искать свою пустыню и обрёл её в паре десятков вёрст от Кашина. Вскоре к нему присоединились ещё несколько клобуковских старцев. Да вот беда, «пустыня», как оказалось, имела хозяина. Боярин Иван Коляга был очень недоволен тем, что на его земле поселились монахи, и задумал, ни мно-

го ни мало, убить Макария. Но Бог всё видит: а как иначе объяснить, что не успев перейти от помышления к делу, почти сразу же Коляга тяжело заболел. Боярин решил лично попросить прощения у преподобного старца, а у того ответ один: «Бог простит!». От недуга боярин избавился и, говорят, сам поселился потом в Макарьевом монастыре, а земли свои отдал обители. Макарий тут же назвал её Калязинской, в честь Коляги. Правда, долго не соглашался стать настоятелем. А когда всё же уступил просьбам товарищей, то трудился наряду со всеми. Известно, что в монастыре долгое время хранились всевозможная церковная утварь, изготовленная собственноручно игуменом.

Кстати, одежду Макарий носил столь бедную, что иногда злые языки называли его «калязинским мужиком». Зато этот «мужик» исцелял немощных и бесноватых, наставлял грешников на путь истинный. Рассказывают, что однажды разбойники украли монастырских волов. Но далеко уйти со скотинкой не смогли — внезапно ослепли, плутали-плутали, да и вышли обратно к воротам монастыря, где их встретил сам настоятель. Макарий вернул вора́м зрение в обмен на обещание не зариться на чужое...

Своим образом жизни предподобный Макарий Калязинский

ГОРОДА РУСИ

снискал уважение Иосифа Волоцкого. А один из старцев, проведя десять лет на Афоне, а потом очутившись в обители, говорят, воскликнул: «Напрасно трудился я, и без успеха совершил такой дальний путь на Святую Гору мимо Калязинского монастыря! Ибо можно спастись и в нём живущим: здесь всё делается подобно киновиам, находящимся в Святой Горе».

Умер Макарий в 1483 году. Его похоронили в деревянной церкви, которую он сам и построил. Почти через полстолетия, когда гроб с телом преподобного открыли во время поновления храма, выяснилось, что мощи Макария не подвержены тлению. Тогда-то и подняли вопрос о прославлении основателя монастыря в лике святых...

В будущем в Калязинскую обитель за помощью и благословлением обращались все — и простолюдины, и царственные особы. Кто только ни побывал в Макарьевом монастыре — и Афанасий Никитин, и Иван Грозный, и Борис Годунов, и Романовы, и патриарх Никон молился в этих стенах, когда в стране бушевало моровое поветрие... Именно вокруг монастыря, снача-

ла как слобода, и возник Калязин — в будущем уездный город Российской Империи.

После революции, когда обитель закрыли, мощи святого Макария перевезли в Тверь, где когда-то служил епископом его младший брат. А пять лет назад в самом Калязине появился памятник этому столь чтимому здесь святому.

*Памятник Макарию
Калязинскому*

На защите Троицы и Москвы

...А в 1609 году на месте будущего города Калязина в первый и в последний раз в истории решалась судьба Отечества. Вокруг Москвы

тогда хозяйничали банды Тушинского вора — Лжедмитрия II — и его польских «спонсоров». Пан Сапега осаждал Троице-Сергиев мо-

настырь. А из Новгорода Великого с боями шло войско освободителей во главе с князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским. 33-летний полководец стал лагерем у Макарьева монастыря. Сюда к нему несколько недель стекалось ополчение из Тверских, Ярославских, Костромских, Заволжских земель. Когда собралось около пятнадцати тысяч, Сапега под стенами обители святого Сергия уже не мог дольше игнорировать угрозу. Польский военачальник решил нанести превентивный удар, чего, надо полагать, Скопин-Шуйский только и ждал. По крайней мере, блестящий маневр мнимого бегства явно был «домашней заготовкой». Встретив неприятеля на топком берегу Жабни, русские сделали вид, что запаниковали и бросились в сторону болот; увлечённые преследованием «тушинцы» пропустили момент, когда бегущие расступились в стороны — и первые ряды преследователей, подпираемые задними, на полном ходу влетели в трясины. Нашим осталось только вновь сомкнуть строй, вгвоздить врагов в топи и добивать «тёпленькими».

Но это был лишь передовой отряд: вскоре подошло основное войско — литва и казаки. Тут Скопин-Шуйский велел своим войскам отсиживаться в остроге, на провокации противника не поддаваться и вылазок не проводить. Несколько часов конники Сапеги скакали во-

круг калязинских укреплений, прощупывая оборону и тщетно пытаясь отыскать уязвимые точки. Ближе к вечеру измотанный неприятель собрался было становиться на ночлег; и вот тут-то Скопин-Шуйский и ударил, причём сразу всеми силами. Уставших врагов теснили до самых обозов, после чего «тушинцы» не выдержали и побежали. Русский полководец, впрочем, хорошо знал, чем может обернуться неосторожное преследование; гнал противника до темноты, к ночи же приказал возвращаться.

В битве под Калязиным Сапега был вынужден без толку и с ощутимыми потерями расплыть свои войска; русские же, защитив лагерь, получили возможность и дальше наращивать силы для контрнаступления, которое позволило отстоять и Троицу, и в конечном итоге Москву. Увы, победителя встретили чёрной неблагодарностью. В 1610 году Михаил Васильевич умер столь внезапно и при столь неприглядных обстоятельствах — выпив чарку вина на пиру — что в народе тут же заговорили: любимца русского люда, спасителя Первопрестольной отравил его царственный родственник (седьмая вода на киселе — четвероюродный дядя) Василий Шуйский. Этот человек вообще был силён сподличать. И против Годунова интриговал — доинтриговался до того, что своим попу-

ГОРОДА РУСИ

стителем позволил воцариться Лжедмитрию. Против Гришки Отрепьева Шуйский, впрочем, тоже плел заговоры. А уже будучи царём, принял капитуляцию Болотникова под обещание сохранить восставшим жизнь. Как сдержал слово — хорошо известно. Кто-то называет это политикой, по-нашему же — подленький был царь. Кончил плохо, в русских традициях воздаяния: только что отвоёванную Москву не удержал (в том же

1610-м поляки в отместку сожгли и Калязинский монастырь), и сам умер в польском плену. Но, в русских же традициях всепрощения, перезахоронен был в Архангельском соборе, как положено монаршей персоне. Но династия Шуйских — Рюриковой крови, первая после московских Даниловичей в очереди претендентов на престол — на первом же царе престол и прохлопала.

Сказание о неисточнувшем граде Калязине

*Троицкий Макарьев монастырь
на старинном фото*

Калязин же до поры, до времени как был слободой, так ею и оставался. Точнее, были сразу три слободы: Никольская, Троицкая и Рождественская, разбросанные по разные стороны перекрёстка рек. Росли они вокруг своего монастыря, богатели, два раза в год имели ярмарку, и в конце концов в 1775-м все

три объединились в уездный город Калязин. Тогда Матушка Екатерина в очередной раз по-своему административные границы России перекраивала. Ну, а где уездный город, там, само собой, и начальство какое-никакое, и местечки тёплые, и деньжонки крутятся... А ещё здешние места полюбились купцам. У этих за ценой дело не стояло — один за другим возводились

в Калязине добротные и недешёвые каменные дома, коих в городе к началу XX века насчитывалось более двухсот! И вообще, здешние предприниматели были оборотистей и в торговле удачливей, чем их коллеги-конкуренты из Кимр, Кашина и даже самого Углича! Лицом

Г. Емельянов, Н. Емельянова **Калязин: город на реке и под рекой**

города была шикарная Волжская набережная, сплошь в богатой застройке и с представительным, издавна видным соборным комплексом. В общем, Калязин процветал. Обзавёлся ремеслами — старинным аналогом промышленности: кузнецами, корабелями, кружевницами. Рукоделие последних очень ценилось у тех, кому вологодская роскошь была не по карману. С местными традициями коклюшечного кружева по сей день можно познакомиться в Районном доме ремесел. А вот с улочками города, с его старинными памятниками, с древним Макарьевым монастырем познакомиться можно, увы, только на старинных фотографиях...

В 1939 году в город пришла беда, и имя ей было — Угличское водохранилище. При сооружении гидроузла водяной Молох проглотил чуть ли не полгорода. Более пяти-сот домов из 1300 попали в зону затопления! Причём если деревянные ещё можно было разобрать и перенести выше по склону берега, то с каменными что было делать? Разбирали до фундамента, кирпичный бой, какой можно, шёл на бут, а остальное горами строительного мусора уходило в разлившуюся Волгу. Самая красивая часть города погибла. Снесли Макарьев монастырь, но река не забрала его руины, обтекла, словно высмеивая безбожные попытки человечешек

Улицы Калязина ведут в Волгу...

ГОРОДА РУСИ

вырвать клещами милости у природы: так и появился на карте современного Калязина новый топоним — Монастырские острова, а самой обители уж нет. Снесли соборный комплекс... да не весь. Не вспомнить, что там было: то ли динамита не хватило, то ли времени, то ли среди местных архитекторов нашёлся человек, вставший на защиту памятника, да только получилось так, как получилось. А вышло настоящее калязинское чудо. Неожиданное, полное печальной и светлой красоты.

Улица спускается к Волге и... без всякого предупреждения ныряет в неё. Запросто так: вот тут ещё булыжная мостовая, а вот здесь уже волна. Улица, ведущая под воду. Это могло бы выглядеть очень мрачно,

случись оно где-нибудь ещё: в Пучеже ли, в Весьегонске, на останках исчезнувшей Корчевы... но Калязин не мрачен. Ведь там, в Волжских водах, в каких — то двух сотнях метров от берега, дерзко блестит в солнечных лучах неутонувший символ города. Уже только ради этого маленький 13-тысячник, распластавшийся по берегам Волги, Жабни и Пуды, словно вцепившийся в землю, спасаясь от Водохранилища — только ради этого Калязин должно было причислить к Золотому кольцу, к жемчужинам России, уже за этим сюда стоит ехать. Эта колокольня — она ведь такая русская: её вроде топят, а она не тонет. С Божьей помощью и помощью добрых людей, сделавших ей обваловку.

Свеча над рекой

У самой кромки воды несут своё «дежурство» местные лодочники. Они охотно (за денежку, конечно) устраивают небольшие экскурсии вокруг колокольни. Строго говоря, маршрутов у них несколько: речная прогулка займёт от двадцати минут до часа или даже больше — в зависимости от того, каким временем вы располагаете и с какой суммой готовы расстаться. Вот вам совет: трата эта будет не напрасна, не поскупитесь хотя бы на самое короткое плавание вокруг колокольни — впечатления останутся незабываемые.

Колокольня Никольского собора

Совсем рядом проходят большие туристические суда и баржи, бесцеремонно толкают лёгкую моторку кильватерной струёй — значит, глубина солидная, и не покидает мысль: ведь плывёшь над центром города, над фундаментами больших каменных домов селившихся поближе к Волге состоятельных горожан. Оглядываешься на берег: нет, уже не то, что на старых снимках. Конечно, некоторые здания у самой воды сохранили свой исторический вид, не дают забыть, что город-таки старинный. Наверняка капитан ещё обратит ваше внимание на сирене-

Часовня на Монастырских островах

вый дом чуть поодаль: в прошлом это усадьба местного священника, а сейчас просто чьи-то владения. Однако новый хозяин полностью сохранил облик дома.

Покажут вам и Монастырские острова — символ того, что природе перехитрить невозможно. Волга не пожелала топить святую землю, а потом и жители стали укреплять

берег, даже построили на островке покаянную часовню на месте разрушенной обители. На восстановление Макарьева монастыря денег уже, конечно, нет.

Между тем, лодка причаливает к островку с Калязинской колокольней. Редкая возможность побродить в задумчивой тишине вокруг неё, зайти внутрь: кто-то отогнул нижний угол железной двери, закрывающей вход. Наверное, местная молодёжь в поисках романтики, но внутри не мусорно, в маленьких нишах стоят несколько икон

— помолиться... Невольно прислушиваешься — не нарушит ли тишину, кроме птичьих голосов, колокольный звон: в этих местах верят, что, когда снимали колокола, один, самый большой, упал, проломив перекрытия, в затопленный подвал, да так в нём и остался, заваленный насыпным полом. И до сих пор накануне великих бед звонит утонувший колокол со дна реки. Перед войной, говорят, до утра звонил... С того берега настороженно выглядывает «Калязинское ухо» — так местные прозвали большую тарелку радиоастрономической обсерватории. Словно не только в космос устремлено, а ещё и украдкой за колоколом подслушивает — что, как ударит? Но сейчас всё тихо. И капитан не торопит...